

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена
Мы из
Кронштадта 3

Николай Берг
Мы из Кронштадта. Том 3.
Серия «Мир «Эпохи мёртвых»»
Серия «Ночная смена», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73946647

Аннотация

Николай Берг – псевдоним российского писателя, работающего в жанре боевой фантастики. Автор – врач по профессии и большой знаток огнестрельного оружия, завсегдатай оружейных форумов. Как писатель он стал известен благодаря трилогии «Ночная смена», написанной по миру Андрея Круза «Эпоха мёртвых». Пользуются популярностью также его книги в жанре попаданчества.

Цикл романов «Мы из Кронштадта» – прямое продолжение трилогии «Ночная смена», и с его героями многие из вас уже знакомы. Это охотничья команда, занятая в условиях зомби-апокалипсиса ликвидацией особо опасных зомби-мутантов. Отважные ребята посвятили себя суровой мужской работе и знают своё дело.

Борьба с бандой людоедов продолжается, как и зачистка зомби, а морфы оказываются неожиданными союзниками. Но

можно ли им до конца доверять? И не выйдут ли они из-под контроля? Читайте продолжение увлекательной истории.

Содержание

Глава 1. Команда лекаря. Война никогда не меняется! Потому стоит учить историю	5
Глава 2. Команда лекаря. Хлопоты десантирования и опять про каролингов	20
Глава 3. Команда лекаря. Штурм коттеджа в одно лицо	34
Глава 4. Команда лекаря. Коты и людоеды	50
Глава 5. Команда лекаря. История дубовых Харь как руководство к действию	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Берг

Мы из Кронштадта. Том 3

Глава 1. Команда лекаря.

Война никогда не меняется!

Потому стоит учить историю

Громыкает на разные лады – даже мои уши отличают звонкий лай зенитных автоматов, гулкий, металлического звона бой минометов, треск пулеметов – слитный, длинный грохот и короткий грубый стук работающих автоматов.

Враг явно пытается прорваться, не получилось у них отсидеться в устроенном ими укрепрайоне.

И это отлично: потеряв базу со всеми запасами, они станут куда слабее, да еще им придется удирать во враждебную местность, их же стараниями густо замертвяченную.

И чем меньше у них этих запасов останется – тем нам же в будущем легче.

Во всяком случае, так меня учили на многих давних примерах.

Нет запасов – хрен повоюешь.

Про Полтаву, например, все помнят, а то, что король свей-

ский Карлуша продул сражение в немалой степени по весьма прозаической причине – это мало кто знает. Жрать армии Карла было нечего. Стрелять нечем. Поиздержались, забравшись в глубины Украины. По плану-то кампании шел к Карлуше генерал Левенгаупт на помощь.

И сила его была в семи с большим хвостом тысячах телег, везжих жратву, казну, порох и прочие припасы для армии Карла. По расчетам должно было хватить до Москвы, да. А для защиты этого богатства шло 16000 чистокровных шведов, отборные ребята. При 17 пушках. МОЩЬ! Да в придачу – что уж совсем мало кто знает – с хорошим агентурным обеспечением.

Эту силу как раз Петр Первый лично с летучим корволантом отправился громить, пока она не соединилась с основными силами Карлуши. А из-за того, что шведская агентура не зря хлеб ела, русский конный корволант получал фальшивую информацию о продвижении Левенгаупта, отчего чуть не провалилась вся затея перехвата – они чуть было не разминулись. Однако и русская агентура тоже была не лыком шита. В итоге поставщики ложной информации оказались развешенными на деревьях, а корволант обоз Левенгаупта нагнал и вцепился в него, как собака в медведя.

К слову, шведов было на 6000 человек больше, да и в артиллерии было полное превосходство. Оказалось, что Петр лучше знал, что делать, и навязал Левенгаупту баталию в лесу, где шведское умение штыкового боя в строю и лучшая

подготовка солдат оказались неприменимы. (Впрочем, ровно то же самое, было дело, устроили германцы римлянам, вырезав легионы в Тевтобургском лесу). Здесь, под Лесной, ровно то же вышло, и все умение полководца Левенгаупта оказалось без толку. Обоз очень длинный, и равномерно его не прикроешь. Потому русские, перебрасывая силы, били шведов по частям.

Обоз полз, как медленный сытый удав. А его кусали со всех сторон, выдирая куски мяса, валя офицеров стрельбой из-за кустов, вырубая кавалеристами ослабевшие группы. Создавая перевес сил на конкретных участках сражения.

Левенгаупта переиграли. Меньшими силами русские шведов разгромили наголову. Пока каролинги отражали атаку в голове обоза – навал шел на хвост колонны и посередине, и опять спереди, как только свеи оттуда снимали и перебрасывали солдат...

В итоге вышло, что явился Левенгаупт пред светлые очи короля своего, имея всего ДВЕ телеги обоза из почти восьми тысяч, потеряв полностью казну, жратву, артиллерию и боеприпасы и приведя всего 4000 голодных солдат. Русским в плен сдалось 2673 солдата да 703 офицера.

Остальные из 16000 остались валяться в лесах. Чему немало помогли и местные жители, с удовольствием резавшие блуждавших по лесам гостей. Успели шведы, как и положено культурным европейцам у нас в гостях, выбесить своим поведением местных жителей до высшего градуса ненависти.

Дальше шведская армия положила зубы на полку, и даже артиллерию применить не могла – стрелять было нечем... Голодные, раздетые-разутые и с малым количеством боеприпасов. Некоторые историки считают, что малое количество пороха не шибко повлияло на само сражение, потому как викингу Карлу и его головорезам нравился именно рукопашный бой холодным благородным оружием. Но для того, чтобы пороть штыком и тесаком, нужно быть сильным и хорошо кормленным. А голодный рукопашник сильно уступает в драке тому, у кого сил много.

Сам Петр величал победу под Лесной матерью, а победу под Полтавой – младенцем. Так что армии без жратвы и боеприпасов – каюк.

Партизанам же это не так страшно, да и пробиваться в одном направлении у них силенок маловато, потому они дергают в разных направлениях – это и называется звездой. Кому-то не повезет, а кому-то повезет, потому что кольцо окружения равномерным сделать не получается. Где-то слабые места по определению будут. Вот, значит, тут то же самое получается. Разбегаются крысы с корабля, и это замечательно. Наша берет! Только бы не нарваться нам на таких крыс, которые посильнее нас окажутся.

Сказать, что я в восторге от полученной боевой задачи, будет сильным преувеличением. Совсем не в восторге. Разумеется, и хуже задачки бывали, и гаже, но все равно не ра-

достно. Чертов калека и глазом не моргнул, мне же – на своих ногах стоящему – совсем невместно было бы отказываться. Не по-мужски выйдет. Был бы один – начал бы упираться, потому как сидеть в засаде посреди леса весьма неохота. Как ни печально, а вояка я тот еще. Очень бы хотелось быть проницательным и умелым, но увы... Да еще и убогое мое выступление сегодня днем... Действительно, сняли бы меня с ножа – и все. Уже бы, глядишь, кушали свежатину... Из меня нарезанную...

Меня передергивает – как-то не привык я себя считать ходячим мясным набором, и гастрономические притязания к моей персоне всяких разных меня не радуют. Вообще-то зря, наверное, я так уж переживаю: боевые действия вещь такая – неизвестно, кому повезет, а кому – нет, тут как карта ляжет. Да и дед мне говаривал, что приказания надо исполнять, вот добровольцем лезть не стоит... Поглядываю искоса на конного спутника – он едет сзади, немножко поодаль. Невозмутим, как конный памятник, позвякивает уздечкой. Лошадка тихо пофыркивает и больше уже не устраивает мелких пакостей, идет спокойно. Да и вообще выполнение боевой задачи нами похоже больше на прогулку по лесу. На удивление – ни одного зомби нам не попало, пока двигались с лужка. Если забыть, зачем мы тут – чистое удовольствие в этой прогулке. Темные стволы деревьев, прозрачная под солнцем ярко-зеленая листва и рассыпанные по земле солнечные зайчики. Лес гасит звуки, но я вроде бы слышу и дальнюю перестрел-

ку, и гул моторов из динамиков. Или в ушах шумит?

Лес заканчивается, начинается кустарник, видимость падает, но лошадка спокойна – значит, нежити рядом нету. Лезем через кусты – перед нами неширокая речка, я вижу красивое песчаное дно – тут глубина-то сантиметров двадцать. «Детей тут купать хорошо было бы» – приходит нелепая мысль в голову.

– Нам надо на том берегу засесть, там дорога, – тихо говорит красавец.

– Всю жизнь мечтал, – бормочу в ответ.

– Могу тебя взять на лошадь, чтобы берцы не мочить, – неожиданно предлагает спутник.

Пару секунд очень хочется согласиться, но благоразумие перевешивает: слишком уж хорошей мишенью мы будем. «И одной пулей он убил обоих», как пелось в каком-то романсе.

– Спасибо, Боливару не вынести двоих, – отшучиваюсь я.

– Тогда я поехал, а ты прикрывай, – говорит он мне и трогает лошадку остатками ног. Та спокойно вышагивает в прозрачной, быстрой, блестящей на солнышке воде. Вся переправа проходит без сучка и задоринки. Подождав, когда всадник въедет в кусты на том берегу, чапаю за ним. Вода неожиданно быстрая, но теплая. У противоположного берега оказывается промоина, и приходится вымокнуть почти до этого самого – некоторым, короче говоря, по пояс будет. Но это все пустяки, а то, что никто не стрелял по нам и никто не лезет кусаться – куда как радует. На берегу делаю то, что

предлагается, когда надо быстро вылить воду из сапог: сбрасываю рюкзак, падаю на землю и задираю ноги вверх. Земля мокрая, черт ее дери. А вот и дорога, которую нам надо перерезать. С первого же взгляда видно, что ею давненько пользовались – следы полузамыты, да это и понятно: она сильно заболочена, ямы с водой такие, что не всякий джип одолеть сможет. А вон в той яме и трактор застрянет. Стараясь не слишком отчетливо наследить, перебираюсь через дорогу к красавцу – он неплохо укрылся в кустарнике. Тыкает пальцем на что-то у меня за спиной, но спокойно, без напряжения. Я с удивлением обнаруживаю на тонком деревце несомненную видеокамеру наблюдения. Тубус повернут как раз на дорогу, хотя и не туда, откуда мы переправились.

К моему удивлению, блондин совершенно спокоен. И на мой вопросительный взгляд вполне себе вполголоса внятно говорит:

– Бред собачий.

– Тсс. Они же услышать могут! – по возможности шепотом предупреждаю я его.

Он хмыкает:

– А питание для этой камеры ты видишь? А оператор где или прибор для видеозаписи? Балаган для идиотов... – тут он спохватывается и исправляется: – В смысле, обманка для совсем уж не разбирающихся. Тупая фигня.

– Но это же видеокамера? – уточняю я.

– Это несомненно. Только она одна сама по себе, без ис-

точника питания и без передачи данных, банально ни к черту не годна. Ты ж поршнем от шприца лекарство внутривенно не введешь? Весь шприц нужен, в сборе?

– Ну да, и лекарство в придачу, – соглашаюсь я с ним.

– А тут некомплект. И давно висит – вон, уже паутиной заросла.

Я уже замечаю сиротливо болтающиеся проводки. Правда, я слышал про то, что вроде как есть камеры, которые могут передавать информацию не по проводам и даже энергию получать тоже не по проводам, но тут я не авторитет, а раз красавец так считает, то будь, как он говорит. Ну, мне же спокойнее, если никто не видел, как мы тут переправлялись.

Место для засады нам найти не удастся – вся эта сторона, включая дорогу, сильно заболочена. Местами торчат груды земли, но мое предложение укрыться за ними красавец отверг с ходу – по его словам, пуля из банального АК этот бугорок просадит, ну а за упавшими деревьями прятаться совсем не годится: древесину, тем более гнилую, даже укорот пробьет без натуги. Вижу, что ему место не нравится категорически. И на мой взгляд, тут не шибко-то устроишься: все как на ладошке, да и кустарник жидкий. Для засады место никак не подходит. Неизвестно, кто кого первым заметит: мы врага или он нас. Даже камуфляж на красавце тут не годится – выделяется он на этой болотине. Не так, как белый зимний маскхалат, но тоже лезет ярким пятном в глаза. Я-то теперь умный, поднатаскали меня сослуживцы, потому гляжу уже

со смыслом на местность, понимая, что выбрать место для засады – очень непросто, много всего надо учесть. Особенно в нашем случае, когда неизвестно, сколько врагов попрется и потому к требованиям по засаде добавляется и проработка отхода. Нам тут отходить некуда.

– Давай-ка вперед продвинемся, там поудобнее будет, – говорит красавец, еще раз критически оглядев сырую низинку.

Я соглашаюсь. Осторожно продвигаемся по обочине.

– Ты под ноги смотри, а я поверху, – рекомендует калека.

– И что я должен смотреть под ногами? – уточняю я.

– Например, мины. Например, растяжки.

– Дык эта, – искренне удивляюсь я, – не обучен. И как тут в такой грязище мины разглядишь? Помнится, трава над минами жухлее, так эти сукины дети не мины, а самострелы применяли. И кстати – вот проволоки чертова куча, поди пойми, что тут где!

На дороге и впрямь вывалено несколько размахренных мотков тонкой проволоки, уже поржавевшей. И мне здорово везет – у дохловатой на этой болотине березки замечаю какой-то зеленый вырост, оказывающийся примотанной к стволу гранатой Ф–1. И проволочина от нее отходит в общую кучу, и усики чеки разогнуты.

Всадник минутку оценивает эту картинку, потом мотает головой – мы обходим, сильно взяв в сторону. Под моими ногами и под лошадиными копытами сочно чавкает. Демас-

кируем мы себя изрядно.

Мне очень неудобно. Еще и потому, что промок до задницы – не подумал, бойко выливая воду из берцев лежа, что она стечет вполне естественным путем. Мокрая одежда липнет к телу, и ноги, наверное, сотру: сырые носки для этого подходят лучше наждака. Чертова промоина, будь она неладна. Надо было не выдрючиваться, а на лошадке форсировать, благо спутник предлагал внятно. Не стрелял же никто. Хотя это я сейчас знаю, а тогда... Впрочем, мне есть о чем беспокоиться и так, без стрельбы. На жаре эффект мокрых портков чреват массой всякой гадости, особенно же часто у мужиков бывает такая неприятность, как потертость. Кожа-то мокрая разбухает, мацерируется, верхний плотный роговой слой становится рыхлым, и потому там, где трется обо что-нито, ссаживается за милую душу. И раньше всего – аккуратно между ягодицами, в междупопии. А с такими ссадинами не то что бегать – ходить больно. И заживает потом неделю. У меня, правда, есть при себе вазелин, но что-то кажется мне, если я встану и начну себе задницу вазелином мазать (а это единственное, что от потертостей таких спасает), мой спутник этого не поймет или поймет, но не так. А что-то предпринимать надо, потому как слышу я уже первые звоночки: и ноги собью до кровавых мозолей, и с задницей непорядок будет. А это уже не боец. С потертостями-то...

Видимо, я всерьез стал праздновать труса. Мне становится страшно до озноба. Еще хуже – мне просто жизненно

важно скинуть мокрые портки и усесться орлом, потому как медвежья хворь накатывает волной. Только лютый стыд перед красавчиком не дает мне это сделать. На мое удивление, всадник решительно, хотя и нервно, заворачивает лошадь и очень быстро (вроде как рысью это называется) просто-напросто дает стрекача. Бегу за ним, не понимая, что это такое с ним и со мной.

Через полста метров мне является чудо: страх пропал совершенно, и молниеносного желания гадить – нет как нет. Я спокоен и внешне, и внутренне. Как-то неловко. Красавчик тоже мнется и чувствует себя уже не так вальяжно, как раньше, – во всяком случае, не смотрит на меня сверху вниз. Ну, то есть фактически именно так и смотрит, потому как на лошади сидит, но взгляд стал растерянным. Что-то с ним тоже не того. Ну, в конце-то концов корона с меня не свалится. Да и как медику мне можно быть в меру бесстыжим, потому я и спрашиваю его напрямик:

– Я сейчас впал в панику и чуть не обосрался от страха, пардон за мой французский. Ты что-то тоже не в лице. Есть какие-нибудь мысли на тему этой моей внезапной паники?

– У тебя, значит, то же самое? – осторожно спрашивает красавец, лицо которого постепенно розовеет. И даже краснеет.

– То же. Если б не привычка утром делать все дела до самого большого включительно, я бы позорно навалил себе в штаны. Спасло то, что просто нечем. И со мной такого не

бывало раньше никогда. Эманации зла, что ли?

– Не знаю, тут подумать надо. Я-то не так дешево отделался, – виновато признается калека.

– Фигня делов – если у нас есть десять минут времени, мы тебя умоем. Вода теплая, почти как в ванне, – говорю я.

Вообще-то хороши мы гуси, и засада у нас – просто заглядение выходит. Орлы, ага! С другой стороны, боец с проблемой в штанах – не вполне боец, а после испытанного мной безотчетного ужаса я буду последним, кто станет смеяться по поводу случившийся с напарником неприятности.

Он минуту размышляет, потом машет рукой и сдается. Собственно помыв проходит очень быстро, он справляется сам, я только охраняю его, пока он приводит свой костюм в порядок, да помогаю стянуть накидку. Трусы, правда, он просто закидывает в кустарник. Поглядывая по сторонам, помогаю ему выбраться из речки.

– А ведь этот Чечако чертов, наверное, прав! То есть, разумеется, не прав, но направление мысли у него было то самое! – несколько странно заявляет красавец. И вид у него такой, что впору рисовать картину «Архимед орет: „Эврика!“ из ванны».

– Пояснишь? – спрашиваю у него.

– А то! Чечако был уверен, что у людоедов есть какой-то эликсир, который они не то пьют, не то обмазывают себя и этим отпугивают зомби. Слышал он что-то, что эти самые людоеды умеют пугать зомбей и управлять ими. Но это чушь –

с эликсиром. Обо всем говорить не буду – сам знаешь, что для зомбов людоед – самое сладкое мясо, так что с эликсиром Чечако явно путанул. Но мысль была в тему. Я бы, может, и не догадался, но тут еще то, что ваши ребята захватили склад с МВД-шным оборудованием всяким и так там насиренили черемухой, что дышать нечем, это и подтолкнуло, – с радостным возбуждением громким шепотом выдает умытый блондин.

– Ну погодь, они там что, спецсредства применили? «Сирень» и «Черемуху»? Но это же слезогоны в чистом виде. Ничего общего, – резонно возражаю я радостному напарнику.

– А про генераторы инфразвуковые – не доводилось слышать? Для разгона демонстраций? Ну, хоть про те, которые ультразвуком крыс отпугивают – слышал? – беззлобно подначивает инвалид.

– Ну, я думал, что это слухи... – растерянно отвечаю я.

– Хороши слухи... Если кому скажешь, что я обделался, – не знаю что с тобой сделаю, – моментально мрачнеет компаньон.

– За это не волнуйся, – успокаиваю его.

– Тогда ладно. Ясно, что тут где-то генератор пристроен. Надо бы его обойти, у него же радиус действия ограничен. А по дороге этой, значит, они не ездят, так что задача чуток меняется. Ну давай, где там лошадиная сила эта? Подсадишь?

Теперь становится немного легче, когда понимаешь, с чем

имеешь дело. Потыкавшись, находим промежуток, где действие черного прибора не так впечатляет, и просачиваемся дальше.

Впереди становится светлее – неожиданно речушка разливается вширь, этаким перекатом метров в пятьдесят шириной. Осторожно высовываемся из кустов – перед нами луговина и вдали вполне себе симпатичный коттедж. За ним проглядывают еще несколько домиков, ангар какой-то, но этот коттедж стоит наособицу.

– Вот коттедж бы занять, – тихо говорит красавец.

– Местность открытая, как на ладони, – возражаю я ему.

– Это как смотреть. Если ползком, под бережком – вполне можно подойти незаметно вообще. Хотя можно долбануть из пулемета по окнам в качестве «Здрасьте!»

– Хорошенький приветик получится – тихо шепчу в ответ, просто чтоб что-то ответить.

Блондин улыбается хмуро. Но так, вскользь. Лошадку мы привязали к кусту, теперь лежим в гуще и сквозь выщипанные в листве просветы смотрим на домик. Вроде бы нас никто не обнаружил. Вдали все еще трещит и бабахает, теперь минометные выстрелы и разрывы я опознаю. Что-то тарахтит громко, но незнакомо – красавец скупно обронил, что это явно 23-мм пушка. Автоматы перебрехиваются, но тут – вдалеке от эпицентра – тихо на удивление. Лежим, наблюдаем.

Мне очень неудобно в насквозь промокнувшей одежде – хоть и жарко, но это очень неприятно. Чертова промоина, будь

она неладна. Неловко у меня вышло.

Глава 2. Команда лекаря. Хлопоты десантирования и опять про каролингов

Оно хоть и не так гадко вышло, как у шведов, которые через пару лет с момента основания Петербурга собрались этот городишко снести. Ровно так же, как русские снесли их Нотебург. Собрали шведы флот. Артиллерию и пехоту загрузили. Для спокойных действий и ликвидации Петропавловской крепости и городишка при ней требовалось снести сначала недостроенный форт на Кроншлоте – том самом острове, где сейчас стоит Кронштадт, Корона-город. Дойти до форта мешала выставленная на самой западной косе батарея Толбухина, да еще то, что буйки и вехи на фарватерах злые русские коварно переставили, так что приходилось идти с опаской и перемерять глубины.

Вот и отправились 24 вымпела с десантом вынести батарею и по сухопутью спокойно взять форт – с суши он был укреплен недостаточно. Разведку не провели толком: посчитали, что и так справятся с дикими варварами легко. Даже то, что ночью там, на косе, в кустарнике окопалась пара полков пехоты, не заметили. Начали свеи помпезно: адмиральский корабль гордо пошел ближе к берегу, чтоб снести укрепления одним мощным залпом. Вместо этого пять орудий из

пятнадцати Толбухинских вlepили ядра аккyрат в ватерлинию здоровенной мишени. В трюм флагмана бодро пошла через дыры вода, экипаж засуетился, перетаскивая орудия, меняя центровку корабля «для наклона оногo на штурборт», чтобы задрать битые места повыше уровня моря.

Крен помешал шведским артиллеристам бить как следует: слишком близко подошли, да и постоянно влетавшие в корабль ядра не споспешествовали, а другим кораблям туша флагмана загроживала цели.

«Неприятель начал всею своею силою, из верхних и нижних пушек, с обеих сторон с кораблей против острова стрелять, на что наши, как добрые солдаты, им ничем должны не остались» – доложили потом Петру участники боя.

Не преуспев, побитый флагман отвалил прочь, вместо него в дело вступили бомбардирские суда, но из-за меткости береговой батареи держались они в отдалении и потому их огонь хоть и был частым, но весьма неточным. Даже пехота, которой командиры велели лечь – и та серьезных потерь не понесла, благо шведы садили бомбы в белый свет, как в копеечку.

Наконец, шведы выложили главный козырь: пошел десант на многочисленных шлюпках и маленьких судах. Под интенсивным огнем с берега пушек и вставшей на ноги пехоты (из-за боязни поразить своих шведы огонь с кораблей прекратили) десантники бодро высаживались на отмели и, стоя по

колени в воде, умело строились под командой опытных офицеров и унтеров.

В безукоризненном боевом порядке формации шведов стремительно двинулись к берегу по отмели. Идти было легко: становилось все мельче и мельче. Обученность и превосходство в силах должны были принести успех – в этом шведы нимало не сомневались. Страшная мощь обстрелянного умелого войска, единого в действиях как отлаженный механизм, должна была снести русские войска, которые хоть и находились в наскоро устроенных укреплениях, но под Нарвой было разгромлено куда большее войско варваров и куда лучше укрепленное – это все участники помнили.

Совершенно неожиданно передние шеренги шведов провалились с головой в воду, а на них, не успев остановиться, валились следующие – офицеры и унтера не успели отдать команду «стой»: кто сам угодил в воду первым, кто растерялся. Шведская пехота в бою была отличным механизмом, и без приказа командира пехотинец не имел права что-либо делать самостийно. Все дальнейшее выглядело как погружение точнейшего хронометра в стакан с пивом – неотвратимо и губительно десант оказался в глубокой промоине, которую прихотью течений ехидного Финского залива пробило в отмели у самого берега. Задние шеренги не успели ничего понять, да и команд не было, и по инерции, словно поезд на обвалившемся мосту, задние разделили судьбу передних. Все вместе с оружием оказались на глубине до двух мет-

ров, мушкеты и пистолеты «хлебнули воды», порох промок, одежда вмиг набухла и стала пудовой. Многие, особенно те, кто не бросили оружия в этой дурацкой промоине, захлебнулись тут же в образовавшейся куче малой. Остальных приняла на картечь батарея Толбухина, и тут же пехотинцы взяли вылезавших на берег ошеломленных шведов в штыки. Разгром был моментальный, нелепый и полный.

Доблестных – тех, кто вылез на русский берег – перебили, закололи штыками. Растерявшимся – тем, кто побежал назад, к шлюпкам – стреляли в спины. Да и разозленный адмирал шведской эскадры, получивший поутру неприятное ранение в ходе артиллерийской перестрелки, велел расстреливать трусов. Под перекрестным огнем первые добежавшие до шлюпок рванули, не дожидаясь раненых и отставших. Остальные попали в плен или утонули, пытаясь добраться вплавь до кораблей. Противник, как изящно указано в донесении о бое, «пришел в полную конфузию».

Флот с позором отступил. Солдаты полков Гамонтова и Мякишина принялись собирать трофеи, считать убитых и вылавливать утонувших десантников.

Данные, как обычно, расходятся – в донесении царю Петру учтено: «Нашими солдатами выловлено из моря 330 шведов, побитых и потонувших; ныне еще достали 90 тел; взято в плен семь офицеров и до 60 рядовых».

По шведским источникам, у них убитых оказалось 400, раненых 170, в плену 7 офицеров и 28 рядовых. Потери рус-

ских были: 29 убитых и 51 раненый, считая и артиллеристов, и пехотинцев.

Адмирал Крюйс, донося государю Петру Первому о результатах боя, необычно для рапорта написал образно: «Можно верить, что из бывших на лодках побито более половины. Памятен этот день будет шведам. Я тебе, Великому Государю, истинно сказываю, что неприятель от нас до сего времени ни одной кошки или собаки, не то что человека не достал языком; а мы знаем всё, что у них делается. Взяты нами в плен три капитана; у одного 11 ран, у другого семь; четыре поручика и прапорщика. Сказывали, что во время двукратного боя на Толбухиной косе погибло да ранено до 1000 человек. Сам главнокомандующий свейский ранен. Среди трофеев этого дня было 500 ружей, найденных на берегу и мели, которые были заряжены пулями, рассечёнными на четверо, и обвитыми конскими волосами, что значительно усиливало опасность раны».

Трофеи были очень кстати – среди гарнизона форта Кроншлота мушкетов не хватало половине солдат.

Петр Первый и его приближенные о таком шведском конфузе узнали с удовольствием немалым, только дивились: остров почти двести лет был шведским, а про ту промоину шведы и не знали, да и разведку когда провели, не удосужились ее до берега продлить... А промоины той сажени две шириной и глубиной сажень. Ну, вот такое водяное несуразие, прихоть течения.

Впрочем, сейчас у меня нет никакого желания потешаться над шведами – сам такой же, хоть и дешево отделался. Ну, относительно дешево. С мокрыми портками – неудобно. Вдвойне неудобно то, что я понятия не имею: дальше-то что делать?

Поглядываю искоса на напарника. Вообще-то в самом начале знакомства вызвал он у меня резчайшую антипатию: больно уж выглядел этаким пендючистым аристократом на ровном месте. Но теперь моя антипатия несколько усохла и выветрилась. Ну, не так, чтобы очень, просто сильное глухое раздражение стало чуток послабее. Немного стыдно себе признаться в том, что когда к нам приехали минометчики, мне этот безногий уже стал даже почти симпатичен.

До того момента, как он, не моргнув глазом, отправился перехватывать дорогу героической засадой.

Потянув и меня заодно.

У меня весь опыт устройства засады – только когда во время прохождения сборов в институте на военной кафедре приказали мне для оживления скучного марша устроить засаду на колонну разморенных студентов. Взял я отделение, прихватили мы холостых патронов и отправились по возможности незаметно, срезая изгиб дороги. Тут и оказалось, что устроить засаду – не просто.

Сборы проходили под Мурманском, а там сопки сплошные, заросшие чахлой, мелкорослой, но густой растительностью. Вот и устраивай засаду. С одной стороны распаханное

поля, и если мы устроимся в придорожной канаве, то отойти никак не сможем – чистое самоубийство. А если на сопке, то либо ни черта не видим дорогу, либо сидим на склоне за камешками, и нас, опять же, увидят в момент... Время поджимало, сели мы на склоне, ничего лучшего не придумав, и обстреляли второй взвод, впереди которого переваливался замкомвзвода–2 Андрюха Зайцев. Взвод радостно заорал, обрадовавшись хоть какому-то развлечению и попер на нас, разворачиваясь в цепь.

– Пиф-паф, ты убит! – грозно заявил добежавший до нас Зайцев. Ствол его калаша дымился – на радостях замок–2 выпустил все холостые, что у него были. Рядом радостно вопили его подчиненные.

– Сам ты пиф-паф! Причем трижды! – гордо ответил я, вставая. И нас всех офицеры погнали на дорогу, продолжать марш. Ну, в общем, радости у меня после этого не возникло – хреновая вышла засада. Положили бы нас там, будь оно все на самом деле. Тем более, третий взвод ловко выкатился нам в бок и тыл, да. Потому не шибко я мнил себя стратегом. А что за полководец этот калека – мне тоже не известно, во всяком случае, с моей колокольни лезть вдвоем черт знает куда – глупость, и все. Ну, я-то ладно – мне еще и оттого стыдно стало, что в общем я не блеснул, да и праздновать труса при том, что безногий калека берется выполнять задачу, а я...

– Слушай, а ты что так безоговорочно поперся сюда в за-

саду? – немного неожиданно спрашивает инвалид, продолжая, тем не менее, внимательно наблюдать за окрестностями.

– Это в смысле чего? – искренне удивляюсь я.

– В смысле картошки дров поджарить. Избыток героизма или просто дурак? Не, я не для того, чтобы обидеть, мне просто интересно. Интересно, откуда такие берутся.

– Ну, уж если б кто говорил, так не ты, – тихонько возмущаюсь я в ответ, поворачиваясь к нему.

Он не замедлил посадить меня в галошу поглубже, показав пальцем понятный знак: нечего мне на него таращиться, мое дело вокруг смотреть.

– Я-то сначала подумал, что ты из Охотничьей команды, крутой как вареное яйцо и всякое такое... А ты лопух лопухом, балбес балбесом. Но вот как под монастырь подвести – так только от тебя и жди подвоха, – со злым недоумением вдруг заявляет калека.

– Ты что, белены объелся? Ты ж вроде старший, да еще и это... – так же злобно огрызаюсь я шепотом.

– Что еще «и это»? На мои ноги намекаешь? – еще злее шипит блондин.

– Ну да, и про них тоже. Ты ж вона уже частью чистый терминатор, тебе отстреленные части тела отстегнуть – раз плюнуть и опять в бой! Чего ты завелся-то? – сбавляю я немного градус накала, поняв, что хватанул лишнего.

– Собака ты плюшевая, свинья мохеровая, кабан шерсти-

стый, – странно ругается напарник, с которым сегодня меня судьба спарила.

– Ладно, насчет ног – извини, в запале сказал. Но если инвалид не протестует против задачи, то мне с ногами – вообще стыдно. Так понятно? Тем более что остальные мои в самой гуще, а я вроде как прячусь.

– Значит, дурак, – уверенно резюмирует калека уже немного спокойнее.

– А хоть и так. Ты-то шибко умный. И чего тут развел психоанализ? – огрызаюсь я, но без особого запала.

– Я жить хочу, – тихо и просто отвечает блондин, и меня от таких обычных слов передергивает всерьез. Еще и потому, что довелось мне видеть чеченскую видеозапись, где именно так говорил наш паренек, которому ичкерийцы собирались «на камеру» отрезать голову, а он не понимал еще, что эти веселые, добродушные с виду бородачи сейчас будут его убивать. И его зарезали как барана, а он все твердил эту фразу. Пока не забулькал перерезанной глоткой. Тошное было зрелище, до холодного ужаса и бешенства бессильного. А тут этот еще...

– А я нет, можно подумать... Ты б хоть намекнул, что гнилая задача, а ты, вишь, из себя неколебимого героя корчил! Мне после пары людоедов хвастаться нечем, еще бы я там курдыбачиться начал. Ты б меня первым к ногтю, да еще и рассказал бы, какой я бесполезный, – огрызаюсь я в ответ.

– Значит из-за твоей боязни, что будешь выглядеть как

тебе на роду положено, мы тут оба уляжемся? Я ж старший, мне жопой вилять не гоже, тем более народу там было много. Сам им слова не сказал, а на меня теперь батон крошишь? Я ж все же старший – и что, мне артачиться против приказа? Ты ж как памятник стоял, прям Герой Кронштадта и Окрестностей! Весь из себя Медный Пеший!

– Да ты ж... эээ... ну... сам... эээ...

– Ага. Вот и сидим тут... А в целом как в старом анекдоте... (тут он оглянулся на тихое фырканье нашей кобылы и поправился) ковбойском, да. Нажрались мы с тобой, Джонни, навоза за бесплатно оба...

– Слушай, а чего ты заволновался-то? Ну, лежим и лежим. Никого нет, дорога не проезжая.

Тут я вспоминаю, что все это тарыхтение вдали – аккурат там, где мои друзья из команды – означает, что они в бою. А я тут вот с этим блондином пререкаюсь.

– Коттедж брать надо. Он тут ключ к местности. А мы лежим паршиво, если кто тут поперется – у нас никаких преимуществ нет, – тоскливо и убежденно говорит безногий.

– С чего ты взял, что кто-то тут поперется? – неуверенно уточняю я у него. Пес его знает, но кажется мне, что боевого опыта у него поболее. Ну, вот не объясню, почему мне так кажется, но уверен.

– Непоняток много. Штуковина эта, пугалка. На кой черт она тут стоит? От чего отпугивает? Дорога не заминирована, одна растяжка фиговая – не в счет. Простое объяснение:

схрон тут и запасное направление для отход, если что. А нас тут в кустах прищучить – легче легкого. Мы и не рыпнемся. И самим не удрать, и не видно толком по сторонам. Надо брать коттедж, а я как штурмовик, сам понимаешь, не фонтан, да и ты, хоть с ногами, а рассчитывать на тебя...

– Ты это... Извини, если что. А за то, что мою шкурку спас – спасибо. Знал бы, что ты думаешь – взбунтовался бы против задачи этой. Если б хоть намекнул, а ты сам-то, как кинозвезда, держишься. Ближко не стань... – говорю я ему.

– Ладно, проехали... Но мы вообще-то можем и просто свалить. Обойдем в обрат эту пугалку и дернем подале отсюда. Точку засады нам никто конкретно не устанавливал, – неожиданно предлагает он.

И смотрит.

Внимательно.

У меня как-то холодок проходит внутри живота. Ну да, в общем. Вполне можем. И трибунала тут никакого нет. И не узнает никто. И мне даже некоторое время его предложение кажется весьма соблазнительным. Стыдно самому признаться. Но вот нравится оно мне. Но, с другой стороны, прекрасно понимаю, что... А как это сформулировать-то? Совесть есть? Это как их называют – угрызения? Или мужское самолюбие? Черт, намешано всякого в обычном человеке...

– Честно сказать – предложение заманчивое...

– И? – поднимает вопросительно брови блондин.

– А сам-то ты как считаешь? – пытаюсь я узнать его мне-

ние.

– Не вертись. Отвечай.

– Ну... В общем, ладно. Там вон мои колготятся, и раз еще стреляют, значит живы. Планов действия я не знаю, но этот Павел Ксаныч мужик толковый, и просто на убой не послал бы. Раз надо перекрыть дорогу, значит надо...

– Комсомольцы-бобромольцы... – задумчиво, но ехидно перебивает меня калека.

– Да нет... В конце концов, в лесу тоже не безопасно, нарвемся на морфа – и гайки, – неожиданно ляпаю я.

– И это тоже верно, – соглашается безногий.

С минуту молчим. Потом он спокойным голосом говорит:

– Отползешь назад, прикроешься кустами и лезь в реку. Бережок невысокий, так что на манер крокодила к шлюзу. От шлюза по канавке аккуратно вылезешь к дому. Башкой верти, глазами смотри, ушами слушай, а я тебя прикрывать буду, но я не Господь Бог, хотя и с пулеметом. Патронов у меня всего 36 к этой бандуре – маловато, чтобы быть богом. Работу по зачистке жилого помещения знаешь?

– Ну, немного отработывали, – признаюсь я.

– Не верится как-то, – с сомнением говорит безногий. Потом окидывает внимательным взглядом окрестности и лезет в свой вещмешок. Протягивает мне моток проводка и какую-то фигню. Оказывается, гарнитура, которая на ухе располагается. Напяливаю ее, хотя ремень от каски мешает.

– Если что – шепчи, громкость тут на максимуме. Полу-

чишь инструкции, – хмыкает блондин.

– Погодь, а откуда ты взял, что там канавка?

– Полоска кустиков жидких – видишь? Зуб даю – в канавке они растут. Будешь там валандаться – старайся кусты эти не трясти. А то издалека заметно. Да. Из карманов достань что ценного, а то замочишь в воде-то.

Опа!

А пультики-то от морфов у меня как раз в штанцовых карманах были, в чем я и убеждаюсь, вытягивая мокрые пластиковые фиговины.

Блондин хмыкает. Злобно выгружаю то, что нельзя мочить, и говорю:

– Ты б не хмыкал – у меня самооценка и так упала дальше некуда. Я вообще-то лекарь, а не вояка, меня потому туда и не взяли.

– И? – опять поднимает брови блондин.

– Как корабль вы назовете, так он вам и поплывет!

– Ишь, какие мы нежные!

– Какие есть! Вон Суворов с Кутузовым своих солдат чудо-богатырями называли, и те горы сворачивали. А звали бы их дерьмом и тупыми обезьянами – так хрена бы им раскидистого!

– Ладно, понял. Давай, чудо-богатырь, двигай! У тебя все получится, – хмыкает несколько дружелюбнее блондин и добавляет:

– Должно получиться. Другие варианты просто неприем-

лемы.

Глава 3. Команда лекаря.

Штурм коттеджа в одно лицо

Сползание меня в речку не отмечается никакими эффектами. Не так и глубоко, да и когда сидишь в воде, низкая бровка бережка становится вполне достаточной, чтобы передвигаться на полусогнутых, держа в сухости оружие и боеприпасы. Держу башку все-таки пониже: глаза-то у меня не на самой макушке, и еще давным-давно Николаич твердо вколотил в меня знание о том, что если я не вижу врага, не факт, что враг не видит меня.

Мне кажется, что по габаритам я сейчас как бегемот, и меня видно отовсюду. Шумит водопад впереди, течение довольно солидное. Уже вижу старый бетонный шлюз с перилами, какие-то еще бетонные сооружения, но они заброшены. А вот над шлюзом торчит явно современная яркая фигурина – видно, местная гидроэлектростанция.

Кустики уже неподалеку. Сейчас надо аккуратненько так, не делая резких движений, двигать к этому домику. Рядом с ним стоят какие-то контейнеры – значит, открытого места не так и много. Приглядываюсь к коттеджу. Сделан он изящно, окна большие, но сейчас забраны щитами из досок и решетками. Знать бы еще – наблюдают ли оттуда, кто и сколько. И куда смотрят. Смотрю до боли в глазах, в башку все время

лезут совершенно неуместные сейчас мысли, гоню их мало что не палкой, а они все равно лезут...

– Вроде как на втором этаже что-то мелькнуло? Занавеска? Жить он хочет, как же... А я не хочу, значит. Как бы не так. Да, занавеска. Еще как хочу. И к Надьке вернуться... Вот это особенно. А вот если я поползу чуток наискось, то меня тот куст прикрывать будет долго... Зато потом голое место совсем. Или пролезть лучше ближе к шлюзу? Нет, там меня из любого фасадного окошка видно будет, как жука на тарелке...

Совершенно неожиданно вспоминается, как Надька лукаво глянула на меня, обернувшись, позавчера утром... И сосочек с горошинку, розовый... Не, так дело не пойдет. Надо сосредоточиться, а то вляпаюсь. Жить-то мне еще как охота, очень вкусное это дело – жить. А когда каждый день видишь это самое – нежизнь которая – еще и больше.

Пластун из меня сильно средний. Даже, пожалуй, еще хуже. Умельцы-разведчики, которых так называли именно за умение ползком добраться куда угодно, те ползали как змеи, часовые их не замечали – ни свои, ни чужие, даже офицеры ухитрялись тихонько подобраться к растяпе-часовому и своему аккуратно вынуть затвор из винтовки, а чужой исчезал с поста беззвучно.

Я отлично понимаю, что ползу медленно, неловко, шумно и, наверное, мой напарник морщится, на меня глядя и видя мою торчащую задницу, хотя я честно стараюсь прижаться к

теплой земле всем телом, как меня учили на довольно потных занятиях наши умельцы – и Андрей, и Брысь, и Серега с более флегматичным Ремером. А уж ехидный Енот никогда не пропускал случая «глянуть на эти половецкие танго», как он величал мои экзерциции по тактике.

Пока вылезал из реки – ухитрился измазаться как чушкан, хотя вроде тут и земли нет, все в веселой сочной траве, и в речке дно из чистейшего песочка – а я весь в грязи. Когда успел только... Хорошо, автомат сухонький остался, и магазины не промокли – это-то в меня вбили крепко...

– Ты меня видишь? – шепотом с одышкой спрашиваю напарника.

– Все в порядке, двигай дальше, – отчетливо раздается его голос у меня в ухе.

Значит – видит. Ладно, надо двигать дальше. Всякие дурацкие и не очень мысли крутятся роем в голове, пока я изображаю из себя черепаху. Куда я ползу? Ну, доползу до дома, открою дверь, получу пару пуль в живот... Напарнику-то моему проще... Хотя чего проще-то? Оба мы как мыши в ведре с водой – ограничены несколько в выборе действий.

А жить, и правда, очень охота.

И еще жарко.

И очень страшно. Вот не удосужился обзавестись своим детенышем – а то было бы все-таки проще: как-никак что-то от меня осталось бы на Земле... Ишь как выпренно...

Нет, вообще-то я знаю, что дети не всегда болеют. Наоборот, большую часть времени они совершенно здоровы, только ко мне на прием эти чертенята являются обязательно хворыми... теперь за этот малюсенький пригорочек, и можно подумать. Куда дальше двигать? А во-о-он туда.

Опять занавеска мотнулась в окне второго этажа, загнав в пятки то, что, видимо, является душой... теперь мне чуток еще – и я буду в мертвой зоне, меня контейнеры прикроют. Совершенно неожиданно оказываюсь на краю здорового бетонного корыта. Глубиной в полметра, завалено кусками, судя по всему, рубероидной смоленной кровли.

О, это мне удачно попало – видно, тут ангар стоял разборный, и его увезли. А остался поддон от ангара. Это мне на руку. Ползу по-прежнему медленно и вдумчиво – глаз человека обращает внимание в первую очередь на резкие движения, плавно мне надо, плавно... а то детей у меня не будет... Вот привязались. Мне больше нравится, если уж на то пошло, скорее процесс производства детей, а не сами дети...

И Надька как-то изменилась последнее время, такая любовница теперь стала, что прошлые ей в подметки не годятся, а уж сравнить есть с кем... все-таки учиться медицине и работать в медицине с некоторых точек зрения – приятно... Вон, в политехе на пять студней одна студентка, и то не у всех групп, а у нас – наоборот. Почти... Так, теперь за ржавый контейнер.

– Молоток! – тихо звучит голос в ухе.

– Ну а то! – отзываюсь я, стараясь не частить дышалкой, потом понимаю, что все мои сопения напарник все время слышал, и мне не стоит валять дурака. Осторожно высовываю за угол стыренный сдохлого БТР прибор наблюдения – он тяжеленький, но за угол смотреть, не высовывая башку – очень удобно. По-прежнему все тихо. Теперь совсем чуток осталось.

– Лучше тебе слева двигать, – советует напарник.

Дельно. И так же, по возможности плавно, стараясь не шаркать сапожищами по асфальту, не брякать прикладом, не стучаться головой в каску и не клацать зубами, перемещаюсь под стенку коттеджа.

– Возьми пистолет. Калаш на плечо. Удобнее будет. Дверь открой и тут же смещайся вправо. И вприсядку. Но по возможности тихо.

Я киваю головой. Эти наставления в меня тоже вколотили: стрелку проще поворачиваться влево, чем вправо, потому смещаться в сторону надо, это учитывая. Сам я напарника не вижу, хотя и смотрел внимательно. Неожиданно ветерок доносит четкий запах падали. За последнее время в лесу отвык уже от этого запаха. А теперь – вот, опять. Сладковатый, липкий какой-то, ни с чем эту заразу не спутаешь... Откуда? Шарю глазами – ни одного зомби рядом. Ни большого, ни маленького. Коттедж стоит посреди здоровенной заасфальтированной давным-давно площадки. Все пристройки – за ним, в зоне, которую вижу – пусто и чисто, даже привыч-

ного пластикового мусора нет. Как свежевывметено. А запах – есть? Черт, досадно будет, если меня цапнет какая-нибудь чертова дохлая собачонка... От морфа сдохнуть все-таки не так обидно... Или обидно? Верчу башкой – результат никакой. Вот не хотелось мне сюда ползти и опять не хочется.

Тихонечко ползу вдоль стены, тихо шепчу:

– Тут воняет падалью.

– Пространство за тобой держу. Но если что невысокое – не увижу.

– Собака?

– Если мелкая – нет. И крысу тоже.

Весело. Калаш незаметно съехал со спины, царапнул стенку. Громко-то как! Еще хорошо, что Енот обмотал мне антабку каким-то мерзким липким скотчем – дескать, брякает характерно и выдает не вовремя. Кручу башкой – уж совсем обидно, если сзади нападет какая-нибудь бешеная крыса и укусит меня в зад.

Чушь какая в голову лезет... Надо пробираться к двери. Приказ есть приказ, против приказа не попрешь, надо сполнять... Ага, ограда началась, хорошая такая ограда. И вылезу это я к парадному входу...

Не, надо быть скромнее.

В конце концов, у меня неофициальный визит. Где-то тут явно должен быть черный ход. Коттедж богатый, явно есть сарай, гараж. Парадный-то вход я бы, например, запер. А вот техслужбы – там возможны варианты. Прикидываю, что при-

дется ползти обратно. Тихонько докладваю соображения напарнику. Тот соглашается. Уже хорошо. Забор у них, чертей, хороший. Хотя вот здесь можно попробовать перелезть. Чуть-чуть руки не достают...

А ежели сюда нож впихнуть и на него встать? Вот так... и потихоньку... Нож выдерживает, тем более я на него не всем весом давлю, руками стараюсь тушку подтягивать... странно, никаких сюрпризов на манер спиралей колючей проволоки на заборе нет. И запаха трупного тут тоже не чутся. Тихонько прибором посмотреть – что там за забором? Двор. Пустой. Конуры нет. Собаки не лают. Ну, с богом! С каким это богом, я же неверующий? Впрочем, это я уже думаю, сползая по ту сторону забора. Присел. Тихо. Пистолет в руке.

– Я во дворе. Лезу через гараж.

– Удачи!

Так. Учили один глаз зажмурить, когда в помещение лезешь. Жмурю левый. Тихо тяну дверь в гараж – надо ж – не заперта! Проскальзываю в дверь, как скользкая минога, как кусок мыла, как... все, я уже в гараже.

В гараже пусто: верстак, полено какое-то у дальней стенки, корыто с водой... Так, теперь к двери – вон та дверь как раз в дом ведет. Добираюсь до нее, тихо открываю, краем глаза вижу, что полено вдруг задвигалось – странно знакомое такое полено, но успеваю закрыть дверь за собой. Полено шуршит по двери.

Ну, с другой стороны, и не такое видали. Ну, держат лю-

ди у себя в гараже крокодила. Небольшого, метра полтора. Ну и наплевать, даже если это зомбокродил. Сейчас меня эти звероящеры никак не интересуют – тем более что в холле первого этажа я натываюсь на пожилую тетку, которая на меня вылупилась круглыми глазами в полном удивлении. Успеваю одновременно и пистолетом пригрозить, и палец к губам своим поднести. Тетка уже сидит прямо на полу, дико на меня смотрит.

Присаживаюсь рядом, чтобы видеть холл и лестницу на второй этаж, очень тихо спрашиваю бабу:

– Сколько людей в доме? Только тихо!

Она молчит. Легонько тычу ее толстой трубой глушителя в бок. Повторяю вопрос.

– Живых – я да хозяева новые. А вы кто? – тихим, к счастью, шепотом отвечает она.

– Медслужба Кронштадтской базы. Собираемся тут санбат развернуть.

– А в Ропше что? – спрашивает она.

– Заканчивается очистка от людоедов. Многие нам помогают из местных – заявляю я, не моргнув глазом. Она вроде верит, кивает головой. Вроде обрадовалась.

– Хозяева где?

– В угловой комнате. Только...

– Что? – улавливаю я недосказанность.

– Вон в той комнате – неживые. Четверо.

– Это старые хозяева? – зачем-то спрашиваю я.

– Нет, прошлые слуги... – тихо говорит тетка и вдруг беззвучно начинает плакать – слезы так и катятся. Сопереживать ей мне некогда, потому я киваю сочувственно и спрашиваю:

– Эта дверь куда?

– В чулан, – говорит она, не переставая плакать.

– Вы давайте-ка туда! Сейчас тут пальба будет – не ровен час, заденут.

– Если вы не справитесь – мне конец. Не пойду, – вдруг упирается баба.

– Все слышали? – вопрошаю я напарника, для солидности именуя его на «вы».

– Подтверждаю. Гражданских – убрать, – доносится из гарнитуры.

– Сейчас будет штурм, так что не спорьте. Могу стукнуть вас по голове, если это вас успокоит, – как можно более дружелюбно говорю бабе.

Впрочем, видно, придется стучать по голове, если не согласится. На мое счастье, она сдается.

Чулан маленький, захламлен всякой фигней, вроде как телефонов и раций в нем нет, потому запускаю туда бабу и щелкаю засовчиком. Не дело у себя всяких мутных при зачистке за спиной оставлять... Она, конечно, может заорать и все такое, но все-таки я ее запер.

Теперь по лестнице наверх. Ага, в этой комнате – если баба не соврала – неживые слуги. А в этой – живые хозяева.

Тихо поднимаюсь на последние ступеньки. Так, а теперь-то что делать?

Учили. Что надо одной рукой держать пистоль, другой открыть дверь – ручка здесь богатая, необычная, но как открывается – мне понятно. И потом в комнату на полусогнутых и вбок. Света там должно быть больше, чем в холле – на втором этаже не щиты на окнах, а решетки. Но потянувшись к ручке левой рукой, замираю – вроде как по ту сторону какое-то шевеление. Шаги, что ли? Баба двери перепутала? Или я перепутал – и тут, например четверо зомби. Или живые? Стоят, слушают моё шуршание и ждут, держа дверь на мушке?

Желание смотаться вниз становится очень сильным. Просто вот доминирующим. И еще я чувствую себя дураком полнейшим. Единственное, что меня сюда загнало – весьма нелепый приказ. Даже два дурацких приказа – один от Павла Александровича, который мне, в общем-то, не командир, а другой от инвалида.

Он мне тоже никто и звать его никак... И какого, собственно, хрена мне тут надо? Мне тут ничего не надо, и я с удовольствием переместился бы силой мысли в Кронштадт к Надьке, а если б еще и сменить мокрые грязные шмотки на сухое... Да еще и пообедать!

И катись оно все ежом – в конце концов, за сегодня я убедился, что вояка я никакой, просто ребята меня прикрывали всегда, вот я и мог гордиться, а на деле-то сегодня вылезло,

что я скорее багаж, обуза, обоз... И место в больнице мне давно готово... и стыд глаза не ест, в конце-то концов... Или ест? И... И хватит праздновать труса, будь оно неладно все!

Ручка мягко поворачивается до того, как я беру ее рукой. Дверь беззвучно открывается, и мне кажется, что мы одинаково удивляемся – я и парень моего возраста, открывший дверь. Не, я удивился все же меньше: он не успевает ничего сделать, а я уже дважды вlepил в него пули, звонко бамкнувшие ему в грудь.

Его отшатывает назад, а до меня доходит, что я не причинил ему вреда: такой звук нам еще Николаич показывал – так бумкают пули в пластины тяжелого бронежилета. На парне броник есть, а вот на мне нет ни фига, кроме грязной, перемазанной в земле и мягком битуме одежонки.

А еще у парня в руках ружье – здоровенный автоматический дробовик, дорогуший и с очень надежным и точным боем, это-то я теперь с закрытыми глазами определяю – натаскали охотнички. Медленно, как в дурацком режиме слоумо этот дробовик разворачивается стволом в мою сторону.

А я так же медленно пытаюсь двигать в другую и давлó раз за разом на спуск, и это такое дикое напряжение всех мышц, включая всякую, не очень нужную обычно мелочь, вроде мышц, двигающих ушные раковины, и мышц, поднимающих яички...

Вот у меня, черт его дери, все напряжено до звона, и выстрелы из ПБ идут не так, как всегда, а с громадными вре-

менными промежутками. Я стараюсь попасть ниже бронежилета, и наконец, кроме треска впившихся куда-то совершенно не туда пуль, слышится один звучный чвяк, но чертов парень переносит удар пули, как древний спартанец.

Рядом со мной пролетает что-то, чем был заряжен патрон ружья, грохот выстрела обвальню глушит нас обоих, но я и сам не заметил, как успел схватиться свободной рукой за его ружье и не даю ему в теснотище этой вклепить в меня заряд – а он старается, раз за разом его выстрелы лупят вверх, и все же он с каждым разом гнет ствол ниже и ниже – сильный, сволочь.

А у меня за всем этим как-то очень неожиданно кончились патроны. Теперь тяжеленный пистолет, висящий на запястье, стал пустым куском железа... Тут парень очень больно бьет меня по ноге своим ботинком... ботинок словно медный водолазный – так больно, аж искры из глаз, как на Новый год!

Выстрел уж совсем с моей башкой рядом, впритирку – еще раз, и... и я от отчаяния долбаю его в голову пистолем... Он успевает отшатнуться, да пистоль у меня – ПБ, он тяжеленный, и ствол у него длинный, вот этим стволом ему и прилетает в глаз. А вот на тебе, гад!

Еще! И еще! И вот так!

Пистолет вывернулся из руки от первого удара и теперь я бью им как просто кистенем странной формы. Для дикаря и пустой кусок железа – оружие!

Противник роняет ружье и валится с грохотом, словно он статуя или конный рыцарь. А я шарахаюсь в сторону, как учили, и приседаю за какую-то тумбочку, потому что к нам из соседней комнаты буквально выпрыгивает молодуха – видно, подруга моего партнера по нелепой рукопашке с нелепым сжиганием патронов впустую.

С ходу она лупит в мою сторону несколько выстрелов из чего-то зажатого в руке – я никак не могу их сосчитать, потому что в это время занимаюсь одновременно массой неотложных дел, а именно: стряхиваю с руки пустой пистолет, тяну из-за спины автомат и пытаюсь сжаться до самых минимальных размеров, чтобы спрятаться за небольшой тумбочкой...

От этой пальбы уши опять как отбивные, глаза слезятся – видно, в отделке комнаты много было всякой современной фигни, вот ее и разнесло в едучую пыль. Какие-то ошметья плавают в воздухе, неожиданно пробирает чих, но автомат я, наконец, сдергиваю, и он уютно и привычно оказывается в руках.

Молодуха по-ковбойски опрокинула роскошный стол и бахает из-за прикрытия, что-то вереща, но лупит не прицельно, на мое невероятное счастье. Зря это она! Автомат в ответ шутя шьет этот стол навывлет, и после второй неряшливой очереди я своими отдавленными ушами все же слышу, как она там валится на пол. Тут начинает возиться парень, и я луплю туда. Страшно хочется визжать, но на это времени

нет: пули дробно барабаныт по парню, а он все шевелится.

Трассеры вылетают совершенно неожиданно: я был уверен, что у меня еще полрожка, а тут вдруг щелчок затвора показывает, что рожок пустой. Ну вот совершенно. И щелчок этот бьет по нервам почище выстрела.

Мне много раз приходилось менять рожки, но у меня никогда так не тряслись руки, поэтому я трачу невиданно много времени на то, чтоб воткнуть рожок в автомат. Передернуть затвор и мельком порадоваться, что никто из моих приятелей не видел всей этой безобразной сцены... и уж тем более я не собираюсь никому рассказывать про всю эту мутому... Вообще никому...

– Доложи обстановку! – неожиданно доносится из гарнитуры.

– Я живой, – отвечаю я первое, что пришло на ум.

– Это самое главное, – довольно дружелюбно говорит голос в гарнитуре.

– Ну а то, – отвечаю я, чувствуя, что только что разгрузил десяток железнодорожных составов с люминием. Нет, даже, пожалуй – с чугунием. Точно – с чугунием!

– А перестрелка?

– Ну, тут было три человека. Двух подстрелил, одну в чулане запер. И вроде еще в комнате сколько-то зомбей есть. Тех не трогал...

– Контроль?

Ну да. Я знаю, что надо проверить, что там с теми, по ко-

му я лупил. Но мне так неохота вылезать из-за тумбочки... не, умом я понимаю, что тумбочка эта никакая не защита, но я тут прижился. Я вполне готов дальше жить тут – за тумбочкой.

Мне тут нравится.

И я, стараясь не высовываться, долбаю парой очередей – по парню и по молодой за столом. С парнем проще – я его вижу, и то, как он мертво дергается под пулями, убеждает в том, что он – готов. Молодую я не вижу.

Все, надо вылезать на простор комнаты.

К моему глубочайшему удовлетворению, деваха тоже готова. Хотя я наделал в столешнице дырок, а попала в молодую всего одна пуля – в щеку. Даже не сказать, была покойница красивой или нет – лицо перекошено ударом пули и залито густо кровью. Руки холёные, все пальцы в перстнях, и даже на мой непросвещенный взгляд – дорогущие это перстни. Парень тоже готов, и броник ему не помог – лежал-то он ко мне головой. Вот ему и прилетело так, что вышибло мозги из башки. Вообще положено блевать после такого, но на меня вид раскрошенной головы не действует никак. Я слишком устал, и мне наплевать. Да и вид привычный уже.

– Порядок. Чисто, – говорю я в гарнитуру и, как столетний старикан, тяжело опускаюсь на тумбочку. Заднице неудобно – одна из молодых пуль попала в тумбочку, продырявив ее знатно, вокруг дырки торчат тонкие щепочки-занозы....

Ладно, чуть-чуть отдохну, а занозы – черт с ними, главное

– не ерзать.

– Прикрой! Иду к тебе! – говорит гарнитура.

Глава 4. Команда лекаря. Коты и людоеды

Меньше всего мне хочется шевелиться, но я все же шевелюсь. Сначала открываю парадную дверь, старательно проверив в меру своего понимания, нет ли на ней каких поганных сюрпризов. Потом выхожу на дворик. Опять в нос шибает запахом трупа.

Когда обнаруживаю источник, только удивленно лупаю глазами и глупо ухмыляюсь. Иду встречать калеку. К моему удивлению, напарник не верхом двигает, а прет на четвереньках. И волочит с собой пулемет. Я вовремя успеваю заткнуться и не спрашиваю, почему он не на лошадке. Ясно, что с колен на кобылу не вскочишь.

– Надо же, а я думал, что врут, – говорит удивленно напарник, увидев распятого на калиткедохлогокота. От него и воняло.

– Что врут? – тупо спрашиваю я, старательно озирая пространство перед собой.

– Про котов, – отвечает инвалид.

Можно подумать, что я после этого ответа что-то понял.

Но вот его предложение идти в дом я понимаю отлично, и мы с радостью запираемся в коттедже. А потом я все же заставляю себя еще раз вылезти – и возвращаюсь с лошадьёу.

Почему-то мне неловко бросать ее там. Вроде как привык. Своя вроде скотина уже.

А может, и то, что гараж пустой, а скотинка все же уже проявила себя как достойное транспортное средство. Опять же, идет послушно, не рыпается. Скормил ей остатки мокрого хлеба. И поставил во дворе, у сарая. Не к крокодилу же ее загонять...

Инвалид уже забрался на второй этаж – я нашел его в комнате, где мы такую дурацкую перестрелку устроили.

– Экую тарантиновщину родригесовскую вы тут устроили... никакому Гаю Ричи не снилось, – искренне высказал свое резюме калека.

И я вынужден был с ним согласиться.

– Та комната не проверялась? – кивает калека на дверь, откуда выскочила под огонь молодуха.

– Нет, я сразу за тобой пошел.

Инвалид морщится. Потом с преувеличенной вежливостью говорит намекаяюще:

– Вас не затруднит все же проверить то помещение – я, к моему сожалению, могу вас только подстраховать, так что не будете ли вы так любезны?

Язвит, гад. Ну да, мне говорили не раз: непроверенные помещения за спиной не оставлять. Можно подумать, что у меня времени было полно – я его же и прикрывал. А он еще, видишь, разводит тут петербургскую пресловутую вежливость.

Иду к двери, аккуратно открываю ее и своим прибор-

чиком бегло осматриваю. Людей нет. В голове пронесется вдруг, как мы могли бы с ним именно по-интеллигентски общаться:

– Знаете... вот я все же, простите за навязчивость, хотел бы высказаться...

– Да-да, я вас внимательнейшим образом слушаю!

– Понимаете ли... не хочу показаться грубым... но ваше поведение... оно меня ввергает в некоторую растерянность и дискомфорт... Вы уж простите, что я так вот, прямолинейно...

– Что вы, что вы, голубчик! О чем речь... ох, простите, одну секунду – там морф... буквально – пару коротких очередей...

– Да-да, конечно! Вам помочь?

– Нет, что Вы! Я справлюсь, а вы, если не затруднит – сожгите, пожалуйста, во-о-о-он тот БТР, что направляется, кажется, в нашу сторону... если, конечно, вам это удобно...

– Никакого неудобства, буквально полминуты!

...

– Да, так на чем мы прервались?

– Э-э-э-э... понимаете ли... я все же, простите уж, имел нахальство выразить свое недовольствие вашим поведением...

– Ну, дорогой мой! Я, признаться, был уверен, что вы, в свою очередь...

– Извините, что прерываю вас, коллега, но вон из того до-

мика по нам стреляют... Как вы считаете – может, заляжем?

– Да, пожалуй, вы правы... и, если вы не против, – давайте возьмем его штурмом, коллега?

– Ну... собственно, почему бы и нет? Пойдемте. Хотя, знаете ли – вот именно об этом я и хотел с вами поговорить...

Но мой напарник все же переходит в грубой прозе и нетерпеливо спрашивает:

– Ну? Ну что там?

Не могу отказать себе в некоторой язвительности и отвечаю. Не успев полностью выйти из образа, только что болтавшего у меня в мыслях:

– Боюсь, что продолжительное общение вас с конским поголовьем сильно сказалось на вашем словарном запасе, знаете ли. Здесь у этих ребяток была техническая комната: компьютеры, мониторы, рация есть. Все вроде исправно, огоньки вот горят всякие.

– Рация? Какая? – обрадованно спрашивает напарник, довольно шустро шурша коленками по покрытому пылью полу.

– Понятия не имею, – искренне отвечаю я.

– Серьезно? – удивляется пропущенный мной в комнатенку блондин. На стул он вскарабкивается моментально – так дети залезают, и тут же начинает внимательно оглядывать не столько рацию, сколько листочки бумаги, приклеенные к стенке рядом.

Потом поворачивается и невинным тоном спрашивает:

– Ты что, действительно не знаешь, как с этой штукой работать? Это ж самая простая из всего простейшего.

– Нет, не знаю. А ты можешь сделать простейшую операцию по удалению аппендикса? Или вот зашить девственную плеву с целью восстановления таковой? – рывкаю я в ответ. Нет, ну ведь действительно бесит! Сам не пойму, с чего я выбрал в качестве простого эту операцию с этой манипуляцией... Черт его знает. И то, и другое не делал, то есть делал на трупе еще в институте аппендэктомия, а пластику вульвы не делал вообще. Ну, то есть мне говорили, что это просто, даже проще простого...

Впрочем, блондин примирительно поднимает ладони, дружелюбно улыбается и идет на попятный:

– Я же не в обиду, не возмущайся, просто она и впрямь... В общем, не сердись! Сейчас я с нашими свяжусь, со связью-то куда веселее!

– Ладно, пойду соберу оружие, да гляну, что там и где.

– Пока не ушел – в гараже у них что?

– Пусто. И крокодил, – честно информирую его.

– Это ты о ком? – удивляется напарник.

– Ну, крокодил. Или аллигатор – я в них не разбираюсь. Ящерица в полтора метра...

– Ничего себе ириска! Я-то сразу почему-то об одном знакомом подумал...

– Не, это не известный сапер, а вполне себе безвестная тварь, – успокаиваю я его.

– Ясно, понял. А живой или неживой?

– Пес его знает. Вроде шевелился, ну так по сейчасним временам это ничего не значит, – мудро отвечаю я ему.

– Ага, – кивает он башкой и углубляется в таинство проталкивания радиосообщений в пространство. Или как оно там называется...

В комнате подбираю здоровенный автоматический дробовик с барабанным магазином и совершенно незнакомый пистолет девахи.

Вроде я такое в кино видал. Ни запасных магазинов, ни подсумков на мертвых нету. Парень меня удивляет: по виду он тщедушный ботан, мелкий и тощий, но силы в нем было явно несоразмерно. Так-то я бы сказал, что это типовой ботан-задрот, которому и километр пешком пройти тяжело. Придаток к компьютеру, а дрался как большой, даже при том, что я в него одну-то пулю точно всадил. Вот, сподобился убедиться, что людоедство дает силу. Немного подумав, стягиваю с него тяжеленный бронежилет – здорово запачкан кровью и мозгами, но выглядит солидно – не ровен час, придется его на себя напяливать. Если нас тут прижмут, а это не исключено.

Поднимаю и наскоро обтираю от натрусившийся пыли выручивший меня ПБ. Пока перезаряжаю, осматриваю комнату. Общее впечатление – пошлая роскошь. Причем без вкуса. Ну вот некоторые предметы обстановки явно в ансамбле, но натащено и всякого сильно позолоченного. По принципу:

«Оченно я это богатствие уважаю!»

Прикидываю, что делать с запертой в чулане теткой. Потом вспоминаю, что тут еще и зомби по соседству. Ладно, они заперты, погодят малость, ничего с ними не будет. Аккуратно поглядываю попутно в окна – вроде пусто вокруг.

А вид со второго этажа красивый – неожиданно даже для себя отмечаю попутно.

– Есть связь, – негромко докладывает из комнатки блондин.

– И как там?

– Все идет очень неплохо, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, потери минимальны, враг разгромлен, а за нами скоро придут. Оружие собрал?

– Ага.

– Тогда давай, помогай, тут у них все же видеонаблюдение имелось. Посматривай в крайний монитор – узнаешь обстановку?

На черно-белом мониторе четыре картинки: двор с лошадю, парадный вход, подходы слева и то, что за сараем. Это мне чертовски повезло, что мы подошли с тыла, и никто не увидел меня во дворике. Видимо, из-за того, что тут девах сидела. Так-то женщины аккуратнее и внимательнее мужчин, но эта, видно, не отнеслась к обязанностям всерьез.

А парень занят был – у входа стоит пара сумок, я их видел, когда напарнику дверь открывал, да и в комнате сумки стояли – ясно, что готовились уехать, собирали бебехи.

Оп! А на чем они готовились уезжать-то? В гараже-то у них, кроме мелкого крокодила, ничего нет. Да и не транспортные животные крокодилы, ни разу такого не слышал. А сумок – внизу две, да наверху четыре, и все громоздкие. То есть пешком не убежишь. И получается, что неизвестно, кто к нам в гости раньше приедет – свои или чужие.

Убираю свежанабитый патронами магазин в разгрузку – пока на картинки любовался, руки привычно набивали патрончиками пустые магазины – и говорю о своих опасениях напарнику. Тот кивает несколько рассеянно – слушая одним ухом, во второе ему толкуют что-то важное по рации. Не дожидаясь окончания приема, повторяю уже сказанное. К моему удивлению, он реагирует достаточно спокойно. Корчу недоумевающую рожу.

– Не волнуйся, о том, что мы здесь, никто не знает. Значит, если за ними приедут раньше наших – мы вполне будем неожиданностью. Вломиться они не смогут. Дверь заперта и в гараж, и в дом, окна заколочены, так что не проблема.

– Могут быть свои ключи.

– А я на цепочку запер, – успокаивает меня напарник.

– А шваброй не подпер? – огрызаюсь я, потому как уже на покойном бронежилетчике убедился, что сила у людоедов есть, и вынести пинком цепочку они в принципе могут.

– Шваброй не подпер, – соглашается блондин.

– Ну так, и как?

– Пока никак, ждем, – достаточно спокойно отвечает он.

Пес его знает. Так, издаля – похоже на то, что он знает, что говорит.

– Может, тетеху эту выпустить из чулана? – спрашиваю я его.

– А зачем? – удивляется он.

– Кофе бы нам сварила. По запаху судя, хороший у них тут кофе.

– Это я и сам унюхал, однако погодим. Тетка эта неизвестно кто, даже если она душой и телом за нас. Не ровен час, чужие первыми приедут, начнется тут свистопляска, а тетка будет под ногами путаться, еще, глядишь, ее и продырявят. Да и в кофе неизвестно что добавить может, если она не вполне за нас. Мы ей никак не родственники. К этой дроби патроны нашел? – показывает он взглядом на непривычных очертаний, какой-то монолитный дробовик покойного компьютерщика. Тот и впрямь выглядит словно состоящим из двух деталей – самого оружия и здорового барабана. Калибр впечатляет, явно 12. На прикладе, к слову, видны крупные буквы АА-12.

– Нет, не попались. И запасного барабана не видал. И с чего тетке нам что-то сыпать?

– А я почему знаю. С чего она внизу сидела? Да и перстеньки на упокойнице такие, что тетка вполне может и просто позариться. Не снял перстеньки-то? – спрашивает инвалид.

Нет, перстеньки я не снял. Во-первых, некогда было, во-вторых... Во-вторых, это вообще-то чистое мародерство, а

такое в приличном цивилизованном обществе не приветствуется. Собрали оружие, восполнили потерю боеприпасов – никто и раньше слова не сказал бы.

А вот за золотые зубы и обирание всяких ценностей с тел в регулярных армиях наказывали нередко. И я не знаю, как настроен мой напарник. В нашей охотничьей команде в самом начале этой Беды разговор такой был. Не меня одного интересовало, как играть по новым правилам, потому и решили обсудить.

Я же разговор и завел, вспомнив эпизод, когда немецкие панцергренадеры пристрелили своего же камрада, который ночью ползал по нейтральной полосе и драл у мертвых русских золотые зубы и часы. Как только вернулся – камрады его обыскали. Нашли золотишко и пристрелили.

Без всяких трибуналов, прямо в окопе. Меня это сильно поразило в первую очередь потому, что я точно знал: ребята из вермахта у нас тут, нимало не стесняясь, грабили всех и вся, не терпя никакого возражения. Если баба или старик, например, не хотели отдавать тулупчик и валенки, то им тут же стреляли в голову и с теплых тел вещички стягивали – и такое творилось, что в 41-м, что в 42-м повсеместно – от Ленинграда до Сталинграда.

И тырили они все – даже то, что к полу приколочено было шурупами. А тут внезапно такая деликатность и щепетильность.

Николаич тогда промолчал поначалу, вместо него ехидно

спросил Ильяс:

– А потом это золотишко и часики они куда дели? Выкинули, небось, с отвращением на дно окопа? Или обратно трупам вернули?

– Не знаю, этого в описании происшествия не было, – ответил я.

– Серега! Ты как считаешь, почему пристрелили? – повернулся к нашему пулеметчику Ильяс.

– Похоже на то, что этот фриц был на посту – скорее всего, у пулемета. Пост бросил, полез за добычей, пока остальные не набежали. Значит, если бы русские атаковали или пустили разведку, то у пулемета никого, тревогу поднять некому, в блиндаже подменки сладко спят – бери всех голыми руками, режь сонными или просто тупо: в трубу от печки бутылъ с «молотовым» и гранаткой сверху запечатать.

Серьезная это подстава – хуже, чем если бы просто уснул; не мудрено, что пристрелили, – раздумчиво ответил Сергей.

– Тоже так считаю – молвил Андрей.

– Ладно, это понятно. Тогда почему во всех армиях это не приветствуется? – я решил все же понять до конца, что да как.

– Гоголя читать доводилось? – неожиданно спросил Николаич.

– Ну, разумеется! – даже немножко обиделся я.

– Собственно, ребята вам уже ответили, но у Гоголя это еще более ярко показано.

– Не припомню что-то такого...

– Да помните, просто внимания не обратили. Тарас Бульба, осада польского городка. Куренной Кукубенко в поединке свалил польского витязя в богатом убранстве. Другой куренной – Бородатый вроде звали – польстился на драгоценное оружие, одежду богатую и амуницию, бросил курень, стал обирать труп, и тут казака панский слуга и убил ножом в шею.

Курень без командира остался, всыпали ему потом, этому безначальному куреню, да и командир, в общем, позорно погиб – от ножика сраного, от слуги. Это потеря дисциплины, управляемости войск и в итоге причина поражения получается, вот чем погоня за богатством во время боя оборачивается.

Помнится, полководец Велизарий во время штурма города в Персии чуть не погиб – воины его кинулись грабить, при нем остался пяток телохранителей, а враги как раз контратаковали... Так что тут вопрос не морали, а дисциплины. Вон, американцы своих морпехов не наказывали за сбор трофеев, включая и золотые японские зубы. Только чтоб не во время боя, а после. Тогда – можно.

– Так что, мы, значит, как американцы теперь будем? – расставил точки над і я.

– Получается так. СССР кончился. Мораль кончилась. Примеры для подражания теперь у нас другие, – грустно улыбнулся Николаич.

– Не заморачивайся. Считай нашу артель трофейной командой, – подмигнул Вовка.

– Как, все понятно? – закончил разговор Николаич.

– Ну, в общем – да. Вспомнил до кучи еще и Бушкова с его Сварогом. Там тоже один герцог перед боем подскакал к вражеской панцирной пехоте и бросил им несколько горстей роскошных бриллиантов.

– И панцирники стали за них друг с другом резаться, строй сломали, перемешались, осталось потом только добить, – кивнул Андрей.

– Ага. И потом бриллианты собрать, – хмыкнул Серега.

– Во-во. А скажи напоследок, почему сонный часовой меньше виноват и что за фича с бутылкой в трубе от печки? – уточнил я некоторые непонятки.

– Похоже, не понимаешь – уснуть можно и случайно. Бывает, все люди. А вот бросить товарищей и полезть за зубами – это осознанно, спланировано. Знал, на что шел. Потому правильно, что пристрелили – другим неповадно будет. А то раз свезет, два свезет. А в третий – не свезет. И из-за одного дурака все сдохнут.

– Ну, теперь дошло. А бутылка зачем?

– А был у нас старик, учитель по НВП. У него физиономия была распахана – рот ему давно порвало, улыбка такая мрачная все время получалась. Вот он и рассказал мне как-то – у меня с ним хорошие отношения были, – что это ему куском буржуйки в лицо прилетело. В блиндаже как тепло

сделать? Печечку поставить.

А чтоб жить можно было не в дыму – ставится труба. Вот мимо проходящие немцы, из разведки возвращаясь, им туда, в трубу, гранату и вложили. Он потом улыбнулся нехорошо и сказал, что немцы неправильно сделали. Когда ответно так немецкие блиндажи наказывали, то сначала в трубу бутылку кидали с бензином или что там было под рукой, а потом гранату. Похоже, понял?

– Ну что тут неясного – печка вдрызг, пламя облаком, а из блиндажа никто и выскочить не сможет...

– Вот, получается оно самое... – закончил разговор Николаич.

Черт, как вчера все было, а уже сколько времени прошло...

Меня вразумляет голос блондина:

– Вот и сними, а заодно и патроны поищи. На пулемет расчет слабый, патронов мало, а из этой дуры вполне можно заураганить, – говорит инвалид.

– Считать это приказом, сэр?

– Именно. И вообще глянь, что там может пригодиться – неизвестно, сколько нам тут сидеть.

– Ты же сказал, что уже усе – победа и виктория, а тут еще воевать да воевать, – удивляюсь я, впрочем, уже выкатываясь из комнаты.

Ясно, победа-то победой, но еще далеко не все закончилось. Быстрый осмотр комнаты не дает результата – патро-

нов нет.

Нашел несколько десятков часов, мобил, айфонов – все уже не работающие. Потом пошли тряпки-шмотки. Походя пнул собранные сумки – легкие. Вот одна из тех, что стояли внизу, у двери – тяжеленькая, рванул молнию – и вот они, патроны 12 калибра в увесистых коробках.

Еще один магазин-барабан, несколько гранат каких-то странных. Оружие незнакомое, но я слышал, что с хорошим оружием разобраться несложно.

И действительно, не велика наука. Тетка, услышав из чулана мою возню, просит, чтобы я ее выпустил, но я непреклонен, тем более, что приказ у меня совсем другой. То, что приказ нужно исполнять по возможности четко и без самостоятельности, я знаю точно. Главное, чтобы командир был толковый, тогда он вполне вероятно видит больше и прогнозирует лучше. За то время, что я тут воюю с охотничьей группой, мне баек нарассказывали. Которые на самом деле и не байки, а реально бывшие эпизоды, да и своими глазами видел многое.

Глава 5. Команда лекаря. История дубовых Харь как руководство к действию

Хотя, конечно, то, что я видал – не так кинематографично и впечатляюще, как то, что рассказывал мне, например, тот же Павел Александрович. У него на каждый чих находился, как у Швейка, достойный пример. И про такие ситуации говорил.

Ну, недалеко ходить. Подполковник Никитин Николай Михайлович командовал шестью флотскими «Харрикейнами». Задача – прикрытие наших войск в районе Колпино.

Дежурство уже к концу, бензина не богато, скоро на базу идти. Вдруг пост ВНОС сообщил, что от Гатчины на Колпино идет армада немецких Ю–87 «лаптежников» – до 40 штук с прикрытием, сверху истребителей с десятков, мессера. Только успели дубоватые, здоровенные «хари» развернуться в том направлении – приказ: «Не допустить бомбежки Колпино, задержать!». Понятно.

Что-то сейчас ценное в Колпино. Приказ есть приказ – ответили «Есть!», хотя вшестером против полусотни немецких самолетов не размахнешься. Тем не менее, по приказу Никитина атаковали практически на встречных курсах, лоб в лоб, но со скольжением, чтобы курсовым оружием бомбе-

ры не могли прицельно пользоваться. Сами не стреляли – не до того, лишь бы не впилиться самим, а фрицев пугануть.

Когда влетели в ордер, то «создали аварийную ситуацию», от которой любой авиадиспетчер рехнулся бы. То есть бомберы, уворачиваясь, как им показалось, от таранящих их в лоб «красных», ломанулись в стороны, ломая строй, при этом один из бомберов и впрямь влетел в соседа, и оба кусками свалились вниз.

Никитин за это время успел отдать приказы своим:

1. Выпустить шасси.
2. Перестроиться по три.
3. Не открывая огня, развернуться на 180 градусов и пристроиться сзади к строю бомбардировщиков.

Его подчиненные не поняли, к чему это, но дисциплинированно приказ выполнили. И усекли, в чем хитрость: «харрикейн», как и Ю–87, довольно большой, одномоторный, размерами и силуэтом эти машины похожи, а с выпущенными шасси – тем более, вид английского истребителя для немцев тут непривычен, такой наглости не ожидают.

В итоге две фальшивые тройки псевдолаптежников Ю–87 пристроились к настоящим и с кинжальной дистанции по команде открыли огонь.

Немецкие стрелки-радисты в это время ожидали атаки сверху, что было видно по задраным стволам пулеметов. А прилетело сзади, чуть не залпом. У флотских «харь» аглицкие 12 пулеметов были заменены на пару пушек и пару

крупнокалиберников, потому такой привет для небронированной «Штуки» был смертельным. Бомберы, потеряв в общей сложности восемь машин, высыпали груз куда попало и удрали, не выполнив задачи, а истребительное немецкое прикрытие ничего толком сделать не смогло – к нашим еще и подмога прибыла.

Пока меня блондин не разочаровывал. Так что будем действовать по приказу.

Надо с чего-то начать. Ясно, что за нашими подопечными кто-то заехать должен, а судя по довольному виду блондина, железный ящик выдал обнадеживающие сведения.

Наши, значит, ломают. Шведы, соответственно, гнутся. Ну, не шведы. Не суть. Разгром уже пошел, теперь добиваются остаточные группки, как говорилось раньше. Это уже несерьезно. Но нам-то и остаточной группки хватить может.

Пара гранат из банального гранатомета в дверь и окна, не говоря уж о чем-то более свирепом, типа современных огнеметов – и все, абгемахт. Да и пулемет тут тоже для нас страшен – показывал, было дело, Серега для детишек и прочих малограмотных, как ручной пулемет прошибает навывлет бетонные плиты, лестничные марши и бревна.

Потому первым делом бегу опять вниз и, потарабанив вежливо в запертую дверь чулана, окликаю пленницу. Та отзывается тут же и просит ее выпустить. Я бы вообще-то ее и впрямь выпустил, кабы не прямой запрет блондина. Об этом ей тут же и говорю, поясняя, что опасно, пока наши не при-

едут.

Называю себя, она тоже представляется. Вот и ладно, уже контакт есть. Оказывается, она тут и раньше в домработницах была – повезло, что новые хозяева ленивые и готовить не умеют. Все за капутерами своими сидят, потому ее не тронули – напугали, правда, до седых волос, но живой оставили.

Вот некоторым другим повезло меньше: и садовнику, и горничной, и дворнику – все теперь в той комнатке. Хозяйка капризная очень, ей угодить было трудно. Домработницу и кухарку тоже пару раз пугала, что кончит, но стряпня хозяйни нравилась, так что вот так вот.

Слушаю ее и прикидываю: а стоит ей говорить, что хозяйева ее – помре? Причем уже насовсем помре? Так-то если сказать – оно ее впечатлит. Наверное. А если это вообще ее дети, например, и она мне голову морочит? Или ее родичи приехать должны, и она в самый ненужный момент заорет, что тут засада?

Опросить и замотать ей рот? Да не настолько я Рембо, чтоб тут этими экзерцициями заниматься. Не к месту вспоминается недавний пациент – привезли его с вилкой в глазу. С пожилой соседкой поругался. Охота мне получить вилкой в глаз? Прислушиваюсь к ощущениям. Нет, определенно неохота. И про то, что ее новые хозяева нынче покойны, – промолчу.

Беседу провел быстро, но толком не узнал ничего конкретного. Быстрый обыск ничего особенного не дал: жен-

ских шмоток кучи, меховых вещей полно, обуви. Как у голливудской звезды после месячного запойного шопинга, но все это не то, что мне нужно. По дороге снял без особой проблемы двенадцать перстней с рук девахи – все они соскочили с тонких восковых пальчиков легко, только темноватый тонкий перстенок из не гармонировавшего с роскошными перстнями серебра на пальчике сидел плотно. Я его и оставил. Так и доложился инвалиду, ссыпав перед ним на стол половину драгоценностей.

– Значит, машину взяла некая Нелли? – уточнил калека.

– Да. Жип утром взяла, как раз перед стрельбой. Обычно приезжала вечером – эти-то, покойные, домоседы были. Патроны нашел только к дробовику да к пистолетам.

– Что ж, тогда ждем. Наши скоро будут. Жалко, что тетеха не знает, куда они драпать собирались. Про пугалки спросил? Ну, эти, ультразвук?

– А ей запрещали от дома отходить – так что вроде как не в курсе. Может, я пойду угомоню этих зомбаков? Ну, эти. Прощтрафившиеся слуги? Мне с ними в одном доме как-то неуютно. Тетка говорит – сама их боится, а вот хозяйка их того, шугала.

– Зомбаков? Чем, интересно?

– Ну, тетка говорит – стимул у хозяйки был, – поясняю я, не очень, впрочем, понимая, что в данном случае значит слово «стимул». Ослов погоняли в Риме острой палкой, так ее и называли. Сейчас ослов стимулируют иначе.

– На деваше какие-нибудь электронные вещуги были? – уточняет блондин.

– Нет, никаких девайсов не было. Точно.

– Ладно, пошли, глянем на этих зомби, – решает красавец.

Загадка разрешается очень быстро: на легком столике у двери комнатки с запертыми мертвяками лежит довольно длинный жезл. Или палка? В общем, мне его хочется назвать стрекалом для скота – в игре про «Фаллаут» как раз такое было у рабовладельцев. К холодному оружию относилось. Беру стимул в руку, нажимаю кнопку. Жезл тихо трещит электрическими разрядами.

– На шокер похоже, – замечает снизу инвалид, внимательно наблюдающий за моими действиями.

– Шокеры на зомбов не действуют, – напоминаю я ему.

– В курсе. Ну, открывай дверь, я боюсь.

Дверь открывается, и на меня вываливается смесь духов и ацетона с легким привкусом падали. В полупустой комнате четыре человека. Бывших человека. Они чистые, без кровищи, сразу отмечаю на одном ярко-оранжевый комбинезон, другая фигурка – очень изящная – в дурацком наряде французской горничной. Совершенно произвольно трещу стрекалом. Зомби как-то испуганно начинают неуверенно, но поспешно двигаться от меня подальше. Это сильно удивляет.

– Ишь, ученые уже, – замечает блондин.

– Ну, значит так подобрали параметры тока, что он сильно не нравится зомбакам. И видишь – выработали условный

рефлекс. Они уже звука боятся.

Трещу опять. Зомби кучкуются в дальнем от двери углу. Определенно им не хочется нападать...

– Неплохо. Я еще удивился, что у этого козла за расчеты и записи на компе. Полезная штука, получается. Ребята толковали, что у Волховской ГЭС ограждения электрические выставлены, и зомбаки не лезут туда, а тут еще проще можно, оказывается. А хозяев этих сраных я бы еще раз убил: такую девчонку угробили, суки, – говорит блондин, глядя на длинноногую, красивую и в смерти девушку в нелепом наряде горничной: фартучек, умопомрачительно короткая юбка, наковка на почти не растрепанной прическе.

– Может, не будем их кончать? – спрашиваю я напарника.

– С чего бы? Горняшка понравилась? – спрашивает красавец. Глядя при этом куда-то в сторону. Я кошу туда глазом – куча какого-то хлама в углу.

– Нет, но показать такой результат стоит кому-нибудь из некролаборатории.

– Как скажешь. Потрещи еще и аккуратно глянь, что в двух цинках в мусорной куче, – предлагает напарник.

Одна жестянка пустая – несколько конфетных фантиков и все, а вот во второй гремят, перекатываясь, винтовочные мосинские патроны – их немного, меньше сотни, но нам это очень к месту. К сожалению, больше в куче хлама нет ничего интересного, я зря ворошу ее берцем. Молоденькая горничная тем временем начинает по стеночке тихо приближаться

к нам. Но стоит только опять протрещать стимулом – она тут же покорно отступает.

Выбираемся из комнаты, запираем дверь. Тащу в компьютерную цинк с гроыхающими в нем в такт шагам патронами. Отмечаю некую странность: впервые при мне зомби нормально ходит на каблуках, а сколько до того видел – все либо ковыляли не пойми как, либо были босы, либо каблуки обломаны. Впрочем, и живые-то женщины и девушки в массе своей на каблуках ходить не умеют, что сразу заметно: и щиколотки вихляются, и сутулятся дамы, и идут неуверенно, на полусогнутых в коленках ножках...

– Твари, – глухо говорит блондин, сбивая меня с мысли. Хотя и мысли-то, прямо сказать, – так себе были.

– Обычные зомби, – пожимаю я плечами. Патроны раздраженно брякают в цинке.

– Не про них. Про этих сраных сектантов. Моя старшенькая когда вырастет – такой же красавицей станет. Как подумую, что ее кто-то вот так просто развлечения ради...

– Мир несправедлив, – брякаю я вместе с патронами банальную очевидность.

– Я когда ноги потерял, всерьез решил с собой покончить, – неожиданно признается калека.

Молчу, жду, что еще скажет. Но он тоже молчит, так же молча забирает цинк, начинает добивать патронами оставшуюся ленту. В конце концов, молчать уже невежливо, приходится в соответствии с деонтологией все же проявить за-

интересованность.

Потому спрашиваю, что ему помешало выполнить задуманное – с виду он не производит впечатления робкого субъекта.

– Жена с дочкой. И друзья. Тяжело было – как никогда раньше. Я был уверен, что уйдет от меня. Она у меня красавица, – пояснил мне калека и продолжил: – А она не ушла. Мне после этого стыдно стало. Я-то их бросить никак не мог. Ну, а други помогли найти новую работу. Семью ж кормить надо.

– Ну, это да. Тут главное, чтоб был якорь. Который в жизни держит. Ну, и чтоб было ради кого жить. Это-то я знаю! Незадолго до Беды я своего однокашника встретил. Он еще похвастал, что в телевизоре его покажут, вот как раз на эту тему.

– Он что, тоже безногий? – хмыкает блондин, но явно заинтересованно.

– Не, он лекарь, у Федорова в клинике работал. Офтальмохирург. Вел прием – а к нему женщина заплаканная заходит. Глаза явно здоровы, непонятно, что нужно. И оказывается, что у нее сын работал в поисковом отряде – собирали останки красноармейцев, ну и подорвался на немецкой минометке. Сам, в общем, виноват, но об этом говорить без толку.

– Это как – лопатой ткнул или наступил? – уточняет калека. А я отмечаю про себя, что у него явно есть навык на-

бивания ленты патронами.

– Нет. У них в отряде были несовершеннолетние шалопаи, закатали минометку в костер, а он как увидел – хотел ее из огня выкатить, да не успел. Только и заметил, что красный корпус мины мелкими трещинками моментально пошел, словно сеточкой покрылся – и все. Его не так чтоб сильно поранило, а вот глаза выхлестнуло непоправимо. А он художник, представляешь, да еще и успешный был.

Ему без глаз – вилы. И жена тут же ушла. Вот он матери и заявил, что ему жить незачем, если видеть не будет. А парень упертый, что сказал – то и сделает. Ну а матери-то как-ово: вырастила одна красавца-парня, все у него складывалось отлично – и такая катастрофа. Вот она и возила его по клиникам. И ответ везде одинаковый: зрение при таком поражении не восстановить. А сын в депрессии глубочайшей, жить не хочет. Мать его и привезла в Федоровскую клинику, как в последнюю инстанцию. И все врачу выложила. Самое кислое было то, что она сыну наплела семь бочек арестантов, стгоряча придумав по аналогии с зубным протезированием, что ему могут коронки поставить, а это дичь несусветная...

– Это даже я понимаю, – улыбается красавец.

– Ну, дык! В общем – помочь нечем. Но мать уверена: если сын немного обвыкнется с новыми реалиями, то затею с самоубийством бросит. Он сильный. Надо потянуть время. Время лечит. Ну, мой однокашник и устроил этому парню три дня консультаций – вплоть до руководства клиники, во-

дил его по кабинетам. Что характерно, все в положение вошли, хоть и пеняли ему, что коронки – это ж чушь несусветная. Он отбрехивался, что не сам придумал. Замотали парня совсем, но сошлись на том, что пока острый посттравматический период – оперировать рано, надо добиться стабилизации процесса. Парень поверил – да мне кажется, и любой бы поверил, когда в такой клинике уверенно спецы такое утверждают.

– И что дальше? – интересуется инвалид.

– А дальше, вишь, про слепого художника, который делает великолепные картины-аппликации, телевидение сподобилось передачу снять. Ну, и офтальмолога попросили участие принять, однокашника моего.

– Обманули, значит, слепого беднягу, – ехидничает блондин.

– Вообще-то нет. В то время как раз были серьезные прорывы в плане замены глаза видеопротезом. Мне приятель рассказывал, что и у япов, и у немцев оно вот-вот могло получиться. Но Советский союз не вовремя развалился.

– Вот тут ты что-то плетешь, как твой приятель тому слепому пациенту. Лечишь, одним словом, – уверенно говорит внимательно слушающий инвалид.

– Нет. Пока государства готовились к возможной Большой Войне, разработки протезирования были важным направлением: если война, то инвалидов много, да еще молодых, надо их максимально реабилитировать, чтоб сами себя обес-

печивали и не отнимали ресурсы, а наоборот – чтоб могли еще и работать. А если войны не ожидается, то и притока инвалидов не будет и государствам на эту проблему – тьфу и растереть. Нехай калеки сами исследованиями занимаются. Так что продержись СССР еще десяток лет – вполне были бы киборг-протезы. Те же бионические протезы конечностей ты ж видел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.